

УДК 329

Алексей Алексеевич Хмелинин
аспирант Уральского Федерального университета
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург. E-mail: xalexan@inbox.ru

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ И ПРАКТИКЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В данной статье раскрыты возможности изучения социальной справедливости в неolibеральной политической доктрине в рамках теоретического анализа. Исследовательской проблемой выступила теоретическая и практическая неопределенность основного консенсуса в отношении доктринальных принципов социальной справедливости в условиях высокой степени ее политической актуальности, наряду с множественностью ее социальных контекстов через призму реализации неolibеральных реформ в российском обществе. Ввиду неоднозначности доктрины неolibерализма автор выделяет три подхода, позволяющих осмыслить его как политический феномен и категорию политической науки. Во-первых, это неolibерализм кейнсианского типа, во-вторых, либертарианская разновидность неolibерализма, в-третьих, Вашингтонский консенсус как модель неolibерализма для современных обществ. Именно на ней и сделан акцент в данной статье. Автор предлагает понимать модель Вашингтонского консенсуса как сложное системное образование, имеющее либеральные теоретико-методологические истоки, представляющее собой определенного рода философию, в соответствии с которой выстраивается модель политики в современных условиях глобализации и взаимозависимости как реальных институтов государства и общества, так и идейно-политических парадигм. При этом российская модель неolibерализма носит синкретический характер, в частности и на основе принципа социальной справедливости. Исторически проблема справедливости привлекала значительное внимание исследователей: от Сократа до Д.С. Милля, Д. Роулза, Р. Дворкина и т.д. В отечественной политической мысли достаточное внимание было уделено и прочтению западных теорий справедливости, и поиску собственных: Т.А. Алексеева, А.А. Гусейнов, С.И. Григорьев, Л.Г. Гринберг, Г.Ю. Канарш, А.И. Новиков, Г.В. Мальцев. Особо следует выделить работы Н.А. Ведениной, Р.К. Шамилевой, Б.Н. Кашникова, В.С. Мартьянова и др. В результате анализа сделан вывод о необходимости определения фундаментального концепта социальной справедливости в современной политической ситуации в России на основе конвергенции базовых ее пониманий в консервативном и либеральном политических направлениях. Современное политическое «прочтение» и реализация принципов социальной справедливости в России выглядят противоречиво и непоследовательно.

Ключевые слова: неolibерализм, политическая доктрина, дискурс-анализ, социальная справедливость, неоконсерватизм, государство «всеобщего благосостояния».

Эпоха российского неolibерализма заставила вновь обратить внимание на категорию справедливости. Достижение социальной справедливости – необходимый и естественный результат неolibеральной политики государства, подразумевающей освобождение рынка и рост благосостояния граждан.

Этот прогресс «справедливости» подразумевает бесконфликтную конкуренцию и коммерциализацию практически всех социальных сфер жизнедеятельности общества при минимальном вмешательстве государства. Однако в условиях относительной нестабильности и повышенной социальной напряженности сложно говорить о какой бы то ни было справедливости.

Категория справедливости в рамках политических наук приобрела особую актуальность в настоящее время в силу многих обстоятельств: неолиберальная глобализация, разделившая мир на «эшелоны» развития (результатом которой стал разрыв в уровне и качестве жизни населения в развитых, развивающихся и отсталых странах); требование социальной справедливости от этноконфессиональных, национальных, профессиональных и иных социально-политических групп населения (результатом артикуляции которых становится либо пересмотр политических решений, либо массовые беспорядки и социально-политические конфликты); особое историко-культурное отношение к пониманию справедливости в российском обществе (в условиях непоследовательной и разрушительной неолиберализации, в трудности применения западных моделей справедливости в российском политическом пространстве).

Исследуя истоки категории справедливости, необходимо заметить, что в XX в. утвердилось ее понимание и «прочтение» в качестве «социальной справедливости», что позволяет сделать акцент именно на ее ценности и значимости в контексте общественных отношений, а не индивидуально-групповых. В XX в. наиболее применяемой и наиболее критикуемой стала доктрина неолиберализма именно по причине социальных последствий ее реализации на западе и в развивающихся странах.

В самом понятии «социальная справедливость» присутствует научная неопределенность, что позволяет дифференцированно подходить к его рассмотрению.

Так, в социологических науках понятие социальной справедливости, используется при изучении социальной дифференциации (неравенства) и социального государства. Социальная дифференциация представляется как расслоение общества на классы и страты, в связи с чем возникают противоречия социальных возможностей, приводящие к социальному неравенству (в доходах, власти, знании, престиже), а значит – к социальной несправедливости.

Понимание социальной справедливости и ее востребованность – традиционно злободневная российская тема, наравне с такими понятиями, как свобода, конкуренция, демократия. Разночтения и противоречивость интерпретации понятия социальной справедливости, протест против существующих несправедливостей всегда лежат в основе политических российских преобразований. Современная Россия находится в переходном состоянии между двумя крайними альтернативами: патерналистская государственная (консервативная) система и новая система, согласующаяся с рыночным (и либеральным политическим) порядком. Поэтому и воспри-

ятие категории «социальная справедливость» чаще всего происходит по аналогии с «социальным равенством», которое достижимо в условиях демократического общества.

По мнению Бойкова В.Э., признание людьми ценностей, выраженных в понятиях «материальное благополучие», «социальная справедливость», «демократия», ведет к «согласию умов», ценностно ориентационному единству социума. Напротив, существенные разногласия в понимании их смысла, а также большое расхождение между доминирующими в массовом сознании ценностными представлениями с социальной практикой могут, как представляется, повлечь за собой социальную дезинтеграцию общества [Бойков 2010: 28].

Социальная справедливость во втором случае представляется зависимой от соответствующей социальной политики государства, выражающей заботу обо всех или об определенных категориях граждан. Социальное государство, или государство благосостояния, наилучшим образом отражает суть принципа социальной справедливости. Однако и здесь не все так просто. На сегодняшний день с позиций политических наук различают три типа социального государства: либеральное (или ограниченное) – США, Великобритания, Канада и Австралия; консервативное (или корпоративное) – Германия; социал-демократическое (или социалистическое) – Швеция [Григорьева 2001: 27-28].

Поэтому и видение справедливости в рамках системы общественно-национальных отношений разное. Таким образом, понятие «социальной справедливости» является вписанным в политический дискурс того или иного государства. Данное понятие полно «внутренних противоречий, создающих условия для манипулирования им в самых разных ситуациях: предвыборных кампаниях, оправданиях коммунистической идеологии, создания карательных уголовно-правовых систем, проведения мероприятий по преследованию разных маргинальных групп населения и т.д., и т.п.» [Шипунова 2005: 7].

Россия, согласно основному закону – Конституции РФ, провозглашена государством социальным. Социальная справедливость в социальном государстве предполагает обеспечение достойной жизни тех, кто не способен сделать этого сам (дети, старики, инвалиды) за счет тех, кто может и должен обеспечить себя. В этом плане общество представляет собой некую пирамиду, на вершине которой находятся самые трудоспособные, наделенные моралью и правом самой большой социальной ответственности. Середину пирамиды занимают те, кто не может обеспечивать других, но еще вполне обеспечивает себя. Огромное основание этой пирамиды, состоящее из уже названных социальных групп, своим состоянием предельно точно показывает уровень цивилизованного общества. [Черепанов 2005: 34].

Сама доктрина неолиберализма трактуется исследователями неоднозначно, в связи с чем следует выделить три подхода, позволяющих осмыслить его как политический феномен и категорию политической науки. Во-первых,

это неолиберализм кейнсианского типа (реализованный в курсе Рузвельта, признание необходимости участия государства в регулировании экономических отношений, проведении активной социальной политики, ограничения власти монополий), во-вторых, либертарианская разновидность неолиберализма (концепция «минимального» государства), в-третьих, Вашингтонский консенсус как модель неолиберализма для современных обществ. Именно последняя модель служит квинтэссенцией самой доктрины, воплощенной на практике и отражающей многомерность политического пространства.

Неолиберализм – теория, согласно которой рыночный обмен является основой системы этических норм, достаточной для регулирования всех человеческих действий, государственное вмешательство в экономику сводится к минимуму, но обязательства государства, связанные с социальными гарантиями гражданам, уменьшаются.

С учетом вышесказанного нами предлагается следующее определение политической доктрины неолиберализма: это сложное системное образование, имеющее либеральные теоретико-методологические истоки, представляющее собой определенного рода философию, в соответствии с которой выстраивается модель политики в современных условиях глобализации и взаимозависимо. Такая модель неолиберализма характеризуется наличием международных корпоративных управленческих структур, определяющих и контролирующих «правила игры» на политическом и экономическом пространствах. Центральное место отводится, согласно принципам «Вашингтонского консенсуса», трем организациям, имеющим штаб-квартиру в Вашингтоне, – МВФ, Всемирному банку и министерству финансов США (отсюда и сам термин «вашингтонский консенсус»).

Среди основных принципов неолиберализма можно выделить те, которые в рамках специфической культуры Запада и его экономической реальности воспринимаются как рациональные: разгосударствление, обеспечение социальной справедливости участниками рынка, приоритет свободы участников экономической деятельности, необходимость государственной поддержки условий свободной конкуренции, рынок как наиболее эффективная форма хозяйствования.

Особый акцент в исследовании справедливости в контексте неолиберальной политической доктрины был сделан в работах Д. Роулза, Р. Дворкина [Dworkin 1986: 193], Р. Нозика [Nozick 2013: 238], Ф. Хайека [Хайек 1990: 103].

Так, по Роулзу, справедливое общественное устройство возможно при плюрализме и соблюдении принципа нейтральности государства, это и есть две ключевые характеристики либерализма Роулза. При этом никакие эмпирические соображения (будь то соображения общей пользы, благополучия или счастья) не могут служить основанием морального закона, а следовательно и надежным гарантом прав и свобод человека. Принципы справедливости обязательно гарантируются и защищаются в рамках либеральной конституции и фундаментального устрой-

ства общества, имея под собой основу в виде высших интересов граждан [Rawls 2001: 132].

Именно поэтому Роулз в своей последней работе уделил пристальное внимание тем законам, по которым функционируют современные успешные и «обремененные» либеральные государства. Первые имеют моральное право на агрессию, если при этом вынуждены гарантировать и защищать интересы своих граждан. Именно подобную ситуацию мы наблюдаем в связи с событиями на Украине в 2014 г. Реальное сопротивление части Украины евроинтеграции, а значит подчинение неолиберальным принципам Вашингтонского консенсуса, на более статусном уровне означает посягательство на гегемонию и миропорядок США и упомянутых выше управленческих корпоративных институтов власти. В ответ на это и началась ответная война в масс-медиа, сопровождающаяся реальными действиями – «санкциями» в отношении «обремененного» собственной культурой, экономикой и политикой российского неолиберального государства (к тому же еще и ближайшего соседа и союзника «Новороссии»).

По мнению Роулза, кроме либеральных гегемонов, справедливыми в ведении войны также могут быть и иные «добропорядочные» народы, уважающие права человека и не проявляющие агрессивности. Поэтому самообороняющиеся ополченцы на Украине также ведут справедливую в категориях Роулза войну.

Рассматривая реализованные на практике идеи «Вашингтонского консенсуса» следует отметить, что именно этот вариант неолиберализма был подвергнут наибольшей критике. Например, с позиций культурологов и представителей иных общественных наук, формула неолиберальной политики «всеобщая конкуренция минус социальное государство» практически отменяет основные функции культуры, сводя их к единственной – прагматической, нацеленной на повышение рентабельности, прибыльности и закрепление идеала «успешности».

Одно из направлений критики неолиберализма зарубежными исследователями касается противоречия между неолиберальной идеологией и неолиберальной политической практикой: с одной стороны, идеология неолиберализма включает концепцию минимального государства, с другой стороны, политическая практика неолиберализма приводит к усилению влияния государственных корпораций в экономике и других сферах жизни общества. В итоге декларируемые свободы оказываются реальными только для одних групп населения, тесно связанных с государственными структурами, а в отношении других осуществляется курс на их сворачивание.

Д. Стросс-Кан также заявил о необходимости внедрения принципа справедливости в условиях глобальной экономики, однако справедливости не капиталистической, а «с человеческим лицом». Можно сказать, что современное понимание категории «неолиберализм» основывается на том, что внутренние силы буржуазного общества не в состоянии сами по себе обеспечить нормальный процесс воспроизводства, и наступает необходимость стабилизирующего вмешательства «извне». Растет понимание опас-

ности в том, что реализация доктрины естественного права, концепции ничем не ограниченной конкуренции и т.д. может привести к угрозе благосостояния большинства населения.

Рассматривая практику реализации российских неолиберальных принципов, необходимо отметить, что к началу XXI в. в России произошло накопление, по выражению В.Н. Якимца, критической массы «несправедливых неравенств» [Якимец 2007: 114], что повлияло на отторжение населением некоторых либеральных «ценностей», провоцирующих и усугубляющих социальное неравенство.

Потребность в социальной справедливости, которая чаще трактуется как социальный порядок, возникает в силу постоянно возрастающего неравенства во всех областях жизни общества, которое дополняется ошибочно просчитанными социальными последствиями принятых законов, оторванностью их от реальной социально-экономической ситуации в обществе, несогласованностью с общественным мнением, культурными традициями. Такие ошибки привели к высокому уровню бедности в нашей стране.

Последствия применения неолиберальных реформ не дали ожидаемого результата, а породили еще более серьезные политические и экономические проблемы: прогрессирующую инфляцию, обнищание населения, обогащение отдельных элитных и криминальных слоев, глобальное и ужасающее неравенство, отсутствие конкуренции, свободного рынка и многое другое.

Естественно, что высокий уровень социально-экономического неравенства приводит к недоверию ко всем переменам и лицам, их олицетворяющим. Однако для России характерно и то, что растущее неравенство привело к преобладанию авторитаризма, к появлению потребности в «заботе» и подчинении, что свело на нет все возможности появления и развития свободного гражданского общества.

С одной стороны, в России неолиберализм как экономическое направление продолжает активно развиваться, продолжая усиливать социальное неравенство и создавать условия социальной несправедливости. По выражению одного из известных обществоведов современности Д. Харви, это связано с пониманием свободы в эпоху неолиберализма: сферой наибольшего влияния неолиберализма стало «неолиберальное государство», где свобода сводится к свободе экономической элиты. «Их “свобода” отражает интересы частных собственников, бизнеса, ТНК и финансового капитала» [Харви 2007: 65].

С другой стороны, достижение ценностного консенсуса между разными социальными слоями и группами является одной из главных задач политического управления в любой стране. Тем не менее распределение голосов по результатам выборов партий говорит скорее об отсутствии такого консенсуса.

Итогом выборов в Государственную думу в декабре 2011 г. явилось движение российской политической системы в сторону старой консерва-

тивно-патерналистской модели управления. По мнению С. Вилисова, 2 декабря 2011 г. произошел крах неолиберализма в России, что отразило глобальные тенденции краха данной идеологии в мировом масштабе [Вилисов 2011: 1].

Такое «раскачивание» политического маятника в политической сфере России от радикального либерализма к радикальному консерватизму находит свое отражение и в цикличности политического курса. Как отмечает Г. Хейл, в России вплоть до 2025 г. не представляется возможной реализация подлинной демократии: «Более реальной представляется модель циклической смены режимов, когда период политической открытости, приходящий вслед за отстранением предыдущего режима от власти, прерывается и сменяется чем-то похожим на этот предыдущий режим» [Хейл 2012: 33].

Этим подтверждаются и следующие шаги В. Путина. В рамках своей предвыборной программы в 2012 г. он опубликовал статью «Строительство справедливости. Социальная политика для России», в которой изложил последовательно, как неолиберальная политика может обогатиться и «прирасти» социальными вопросами и справедливостью. Можно отметить, что социальная политика понимается Путиным как способ капитализации российского общества, при этом его предложения не вписываются в традиционную сетку «право-лево-центристских идеологий».

В.В. Путин говорит о том, что свободный рынок и политика по развитию социальной сферы и капитализации человеческого капитала вполне совместимы и дополняют друг друга. Таким образом, можно констатировать, что современная доктрина неолиберализма в России возможно переходит на новый уровень развития и начинает носить синкретический характер.

По мнению В. Мартьянова, в посланиях В. Путина последовательно отсутствует какая-либо идеология – либеральная, консервативная, левая или патриотическая. Во-первых, это лишает оппозицию возможности идеологической критики, а во-вторых, отражает веяния эпохи Модерна, не нуждающейся в доктринальных классических концептах. Концепт справедливости наиболее ярко был раскрыт в послании 2005 г., однако он раскрывался только через позитивные ассоциации, не наполненные идеологическими смыслами. Таким образом, «проблема наполнения концепта справедливости идейным содержанием и соответственно вся проблематика достижения социальной справедливости как раз остается за кадром посланий» [Мартьянов 2007: 23], а это определяет и «нестандартность» реализуемой неолиберальной политики в России.

По замечанию Т. Алексеевой, очевидно, что сегодня никакого консенсуса в отношении принципов справедливости в обществе нет. За влияние и признание одновременно борются перфекционистские и либералистские, утилитаристские и социалистические теории и концепции с широчайшим спектром противоречий внутри каждого из течений [Алексеева 1992: 9]. Тем не менее терпимость, способность к компромиссам, разум-

ность и обоснованность решений, честность в соблюдении договоров, если они достаточно прочно укоренились в общественной жизни, создают часть политического капитала общества.

В своей работе, посвященной генезису и одновременно критике неолиберализма, Д. Харви выделяет специфическую модель неолиберализма, реализованную в КНР, обозначая ее как «неолиберализм с китайским лицом» [Харви 2007: 286]. Особенностью данной модели является органичное сочетание принципов неолиберализма в экономике с принципами авторитаризма в политике. По аналогии с выделением данной разновидности неолиберализма в «незападном» пространстве мы предлагаем выделить российскую модель неолиберализма, которая также имеет свои существенные отличия, модель неолиберализма с «русским лицом».

Анализируя этапы неолиберальной политики, реализуемой в России непоследовательно и несистемно, можно выделить определенную особенность, которая заключается в том, что данная идеологическая доктрина имеет потенциал адаптации к условиям политической реальности, позволяющий ей принимать различные, подчас симбиозные формы с иными доктринами. Гибридность российского неолиберализма является причиной и следствием двойственного восприятия населением его ценностей через призму понимания социальной справедливости. Также дуальность неолиберализма проявляется в противоречивой политике, проводимой властными институтами, с «раскачиванием» доктринального и идеологического «маятника», как было рассмотрено выше.

Современная доктрина неолиберализма в России возможно переходит на новый уровень развития и начинает носить синкретический характер. Так, в ней определенно присутствует яркая необходимость совмещения концепции свободного рынка и принципов социализма – социальной справедливости и социального равенства, а также принципов консерватизма. Это подтверждается и выводами других исследователей, настаивающих на варианте «консервативного либерализма», «либерального социализма» и т.д. [Хмелинин 2013: 35].

Естественно, что социальная справедливость как таковая и отношение к ней в разных политических доктринах неоднозначны. Поэтому, учитывая синкретический характер российской модели, нами было уделено внимание прочтению социальной справедливости в контексте политических доктрин неолиберализма и неоконсерватизма.

Можно отметить возможности общего сближения консервативной и либеральной идеологий на российской почве патерналистского и сакрального отношения к государству и власти. Также принимая во внимание адаптацию населения к рынку и рыночным ценностям (конституционного характера), их постепенную институционализацию в системе морали и права неизбежным видится потребность в защите, сохранении этих уже устоявшихся ценностей властными структурами, что несомненно объясняет конвергенцию неолиберализма и неоконсерватизма в современной России.

Социальная справедливость в неоконсервативной политической доктрине представлена с позиций социального государства, а не в дискурсе социального неравенства. Социальная справедливость обеспечивается действиями государственных структур за счет усиления их влияния на общественные отношения – патерналистский принцип. При этом в условиях глобализации, «отеческая забота» может распространяться не только на собственное «неравное» население, но и на государства, имеющие такие статусные различия прежде всего в экономике и политике.

Социальная справедливость в неоллиберальной политической доктрине представлена скорее в контексте социальной дифференциации, которая является и причиной, и результатом конкуренции. Конкуренция как механизм «естественного отбора» устанавливает и мерло справедливости. Однако на практике возникают свои ограничения применения данной идеи общества «всеобщего благосостояния».

Субъектом реализации неоллиберального концепта в России выступает политическая и экономическая элита опирающаяся на множественную совокупность подконтрольных и лояльно настроенных масс-медиа. Используя многообразные, в том числе и манипулятивные технологии, элита добивается формирования новой субъектности в рамках российской модели неоллиберализма. Данная субъектность с позиции автора более подробно была раскрыта ранее [Русакова 2012: 268], ее суть проявляется в так называемой концепции «согласия управляемых», в которой общественность скорее выступает «аудиторией», «зрителями», но не «участниками» принятия политических и экономических решений.

Максимально оптимально данную концепцию подтверждает ситуация, сложившаяся в результате информационного противостояния России, Украины и западных СМИ в 2014 г., описывающих события, разворачивающиеся на территории соседнего постсоветского государства. Соотносясь с предложенными Н. Хомским манипулятивными технологиями [Нюам Хомский... 2011], которые используют неоллиберальные властные элиты, можно увидеть, как в отношении освещения в СМИ украинских событий используются технологии «отвлечения внимания», «постепенного применения», «упора на эмоции» и т.д.

Рассмотрение в теоретико-практическом дискурсе неоллиберального принципа социальной справедливости в Российской Федерации показало наличие «обратного эффекта» – благосостояние в государстве не наступило, появилось пространство «неравенств» и «несправедливостей», усилилась социальная дифференциация. Неоллиберализму необходимо было мимикрировать, оставаясь в экономической политике и исчезая из политической сферы, где заняли свое место идеологии консервативного и социалистического типов.

Основной причиной фундаментальной неопределенности концепта социальной справедливости в России служат особенности реализации российской модели неоллиберализма: гибридный характер (мимикрия и «подстраивание» в случае необходимости под принципы и идеи иных полити-

ческих доктрин при экономической лояльности неолиберальной политике), двойственное отношение населения и элиты к ценностям, заложенным в основу доктрины (что провоцирует и неоднозначность понимания справедливости), цикличность политического курса и отсутствие идеологического статуса определенности в отношении справедливости у главы государства, которому население выражает наибольшее доверие.

Поэтому необходимо определение фундаментального концепта социальной справедливости в современной политической ситуации в России на основе конвергенции базовых ее пониманий в дискурсе консервативного и либерального политических направлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева Т.А. 1992. Справедливость. Морально-политическая философия Дж. Роулса. М. : Наука. 239 с.
- Бойков В.Э. 2010. Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации // СОЦИС : Социол. исслед. № 6. С. 26-37.
- Вилисов С. 2012. Крах Единой России 4 декабря – это крах неолиберальной идеологии, 12 янв. [Электронный ресурс]. URL: <http://kprf.perm.ru/golos-partii/analitika/sergey-vilisov-krah-edinoy-rossii-4-dekabrya-eto-krah-neoliberalnoy-ideologii/> (дата обращения: 11.01.2014).
- Григорьева И.А. 2001. Модели человека в теории социальной работы : учеб. пособие. СПб. : Нева. 183 с.
- Мартыанов В.С. 2007. Идеология В.В. Путина: концептуализация посланий президента РФ // Полит. экспертиза : Политэкс. № 1. С. 147-175.
- Ноам Хомский: «Десять способов манипулирования людьми с помощью СМИ», 14 июня 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.avtonom.org/node/15912> (дата обращения: 05.05.2014).
- Русакова О.Ф., Хмелинин А.А. 2012. Неолиберальный дискурс: стратегии и технологии конструирования новой субъективности // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Вып. 12. С. 259-269.
- Хайек Ф. 1990. Дорога к рабству // Вопросы философии. № 10. С. 113-151; № 11. С. 123-165; № 12. С. 103-149.
- Харви Д. 2007. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / пер. с англ. Н.С. Брагиной. М. : Поколение. 288 с.
- Хейл Г. 2012. Динамика правящего режима в России // Pro et Contra. № 4-5. С. 30-46.
- Хмелинин А.А. 2013. Особенности и дискурс российского неолиберализма: становление «гибридной» модели // Социум и власть. № 4. С. 35-36.
- Черепанов В.Д. 2005. Социальная справедливость – категория политическая // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Полит. науки. № 3. С. 34-40.
- Шипунова Т.В. 2005. Социальная справедливость: понятие, виды, критерии оценки [Электронный ресурс] // Проблемы теоретической социологии : межвуз. сб. СПб. : Астерион. Вып. 5. URL: smpanel.pu.ru/panel/users/tshipunova/1318.doc (дата обращения: 05.05.2014).
- Якимец В.Н. 2007. О переформировании подхода к социальной справедливости в России // «Актуальные левые» в международном и российском политическом контексте : сб. ст. / под ред. Л.В. Сморгунова. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та. С. 104-116.
- Яковлев А.Н. 2005. Реформация в России // ОНС : Обществ. науки и современность. № 2. С. 5-15.
- Dworkin R. 1986. A Matter of Principle. Harward university press. 448 p.
- Nozick R.A. 2013. State and Utopia. Basic books Inc. 367 p.

Rawls J. 2011. The Law of Peoples with «The Idea of Public Reason Revisited». Harward university press. 208 p.

Материал поступил в редколлегию 07.09.2014 г.

References

- Alekseeva T.A. *Spravedlivost'. Moral'no-politicheskaja filosofija Dzh. Roulsa* [Justice. Moral and political philosophy of J. Rawls], Moscow, Nauka, 1992, 239 p. (in Russ.).
- Boikov V.E. *Social'no-politicheskie cennostnye orientacii rossijan: sodержanie i vozmozhnosti realizacii* [Socio-political value orientations of Russians: contents and eventual realization], *SOCIS : Sociol. issled.* [Sociological Studies], 2010, no. 6, pp. 26-37. (in Russ.).
- Cherepanov V.D. *Social'naja spravedlivost' – kategorija politicheskaja* [Social justice as a political category], *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 12. Polit. nauki*, 2005, no. 3, pp. 34-40. (in Russ.).
- Dworkin R. *A Matter of Principle*, Harward university press, 1986, 448 p.
- Grigorieva I.A. *Modeli cheloveka v teorii social'noj raboty* [Models of human in social work theory], St. Petersburg, Neva, 2001, 183 p. (in Russ.).
- Hale H. *Dinamika pravjashhego rezhima v Rossii* [Russian Regime Dynamics], *Pro et Contra*, 2012, no. 4-5, pp. 30-46. (in Russ.).
- Harvey D. *Kratkaja istorija neoliberalizma* [A Brief History of Neoliberalism], Moscow, Pokolenie, 2007, 288 p. (in Russ.).
- Hayek F.A. *Doroga k rabstvu* [The Road to serfdom], *Voprosy filosofii*, 1990, no. 10, pp. 113-151; no. 11, pp. 123-165; no. 12, pp. 103-149. (in Russ.).
- Khmelinin A.A. *Osobennosti i diskurs rossijskogo neoliberalizma: stanovlenie «gibridnoj» modeli* [Features and Discourse of Russian Neoliberalism: the Establishment of «Hybrid» Model], *Socium i vlast'* [Socium and Power], 2013, no. 4, pp. 35-36. (in Russ.).
- Martjanov V.S. *Ideologija V.V. Putina: konceptualizacija poslanij prezidenta RF* [Ideology of V.V. Putin: Conceptualization of Messages of the President of the Russian Federation], *Polit. jekspertiza : POLITJEKS* [Political Expertise Journal], 2007, no. 1, pp. 147-175. (in Russ.).
- Noam Chomsky: «Desjat' sposobov manipulirovanija ljud'mi s pomoshh'ju SMI» [Ten strategies of manipulation through the media], 14 June 2011, available at: <http://www.avtonom.org/node/15912> (accessed 05 May 2014). (in Russ.).
- Nozick R.A. *State and Utopia*, Basic books Inc., 2013, 367 p.
- Rawls J. *The Law of Peoples with «The Idea of Public Reason Revisited»*, Harward university press, 2011, 208 p.
- Rusakova O.F., Hmelinin A.A. *Neoliberal'nyj diskurs: strategii i tehnologii konstruirovaniya novoj sub#ektivnosti* [Neo-liberal discourse: strategies and technologies for constructing of new subjectiveness], *Research Yearbook The Institute of Philosophy and Law The Ural Division of the Russian Academy of Sciences*, 2012, iss. 12, pp. 259-269. (in Russ.).
- Shipunova T.V. *Social'naja spravedlivost': ponjatie, vidy, kriterii ocenki* [Social justice: concept, types, criteria for assessing], *Problemy teoreticheskij sociologii*, St. Petersburg, 2005, iss. 5, available at: smpanel.pu.ru/panel/users/tshipunova/1318.doc (accessed 05 May 2014). (in Russ.).
- Vilisov S. *Krah Edinoj Rossii 4 dekabrya – jeto krah neoliberal'noj ideologii* [The collapse of United Russia on 4 December is the collapse of the neoliberal ideology], 12 January 2012, available at: <http://kprf.perm.ru/golos-partii/analitika/sergey-vilisov-krah-edinoj-rossii-4-dekabrya-eto-krah-neoliberalnoj-ideologii/> (accessed 11 January 2014). (in Russ.).
- Yakimec V.N. *O pereformirovanii podhoda k social'noj spravedlivosti v Rossii* [On reorganization of approach for examining social justice in Russia], *Smorgunov L.V. (ed.) «Aktual'nye levye» v mezhdunarodnom i rossijskom politicheskom kontekste*, St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007, pp. 104-116. (in Russ.).
- Yakovlev A.N. *Reformacija v Rossii* [Reformation in Russia], *ONS : Obshhestv. nauki i sovremennost'*, 2005, no. 2, pp. 5-15. (in Russ.).

Aleksey A. Khmelinin, Postgraduate student Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg. E-mail: xalexan@inbox.ru

ISSUE OF SOCIAL JUSTICE IN NEO-LIBERAL POLITICAL DOCTRINE AND PRACTICE: THEORETICAL ANALYSIS

Abstract. This article deals with the possibility of studying social justice in the neo-liberal political doctrine within the theoretical analysis. The research problem is theoretical and practical uncertainty of the main consensus concerning the doctrinal principles of social justice in the situation of its high political relevance, as well as the multiplicity of its social contexts through the prism of the implementation of neoliberal reforms in the Russian society. Due to the ambiguity of the neoliberal doctrine, the author identifies three approaches, which allows viewing it as political phenomenon and as the category of political science. Firstly, it is neoliberalism of Keynesian type; secondly, the libertarian kind of neoliberalism; thirdly, the Washington Consensus as a model of neoliberalism of modern societies. The author makes emphasis on the last one. He proposes understanding the model of Washington Consensus as a complex system with liberal theoretical and methodological roots and as a certain kind of philosophy, according to which the model of the politics is constructed in the contemporary context of globalization and interdependence of existing institutions of state and society and ideological and political paradigms. At the same time, the Russian model of neoliberalism is syncretic; in particular, it is based on the principle of social justice. Historically, the issue of justice attracted serious attention of researchers from Socrates to D.S. Mill, J. Rawls, R. Dvorkin, etc. The domestic political science pays enough attention to Western theories of justice, as well as develops own theory by T.A. Alekseeva, A.A. Guseynov, S. Grigoriev, L.G. Greenberg, G.Y. Kanarsh, A.I. Novikov, V. Maltsev. Works of N.A. Vedenina, R.K. Shamileva, B.N. Kashnikov, V.S. Martyanov and others are very notable. The author concludes about the need to define fundamental concept of social justice in the current political situation in Russia based on the convergence of its basic understanding in conservative and liberal political trends. Modern political “reading” and the implementation of the principles of social justice in Russia seems to be contradictory and inconsistent.

Keywords: neoliberalism, political doctrine, discourse analysis, social justice, neo-conservatism, “welfare” state.